

- Сарианиди В.И. Гонур-депе: город царей и боров. А., 2005.
Ходжаилов Т.К. Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
Bernhardt W. Human Skeletal Remains from Cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of Archaeology University of Peshavar. Vol.III. 1967.
Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: Some Antropological Data // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И.Сарианиди. М., 2004.
Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrizm. Athens, 1998.

РЕАЛИИ СТРАНЫ МАРГУШ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В.Ю.КРЮКОВА

(Россия)

Традиционная культура на протяжении тысячелетий служила неистощимой основой, питавшей духовную жизнь народов Востока. Черты, нашедшие отражение в таких памятниках, как Ригведа и Авеста прослеживаются и сегодня в этнографически засвидетельствованных обрядах и верованиях. Древнейшие идеи индоевропейского мира стали стержневыми для традиционных культур Центральной Азии, принимая и теряя те или иные элементы в ходе исторического развития, но сохраняя основные модели. Под влиянием крупнейших религий — буддизма, зороастризма, христианства, ислама в недрах традиционной культуры рождались особые явления и появлялись новые формы выражения. С течением времени они исчезали или превращались в малопонятные, приспособлялись для нужд очередной религиозной системы. Хотелось бы надеяться, что открытие одного из древнейших пластов культуры в Туркменистане поможет прояснить как механизм формирования зороастризма, бытовавшего в этих землях после угасания цивилизации страны Маргуш, так и развитие традиционных культур центральноазиатских народов.

Что касается зороастризма, необходимо сделать несколько замечаний. Сложение этой религии происходило в течение нескольких исторических эпох и завершилось, как представляется, только в период активного распространения ислама. Скорее всего, до этого рубежа зороастризм не представлял собой единого сформировавшегося вероучения, — свидетельством тому служат существенные различия как идеологического, так и ритуального плана, обнаруженные при исследовании памятников, которые принято относить к числу зороастрийских. Не вполне разгадано соотношение западно- и восточноиранских элементов в обрядовой системе зороастризма. Возможно, именно в стране Маргуш следует искать истоки тех ритуалов, которые не восходят напрямую к традиции Ригведы и ранних авестийских Яштов, а могут быть связаны с западной традицией и ассоциируются обычно с жреческими культурами, описанными авестийским Видевдатом. К их числу можно отнести засвидетельствованные этим памятником варианты похоронного обряда, сложные системы

последовательных омовений осквернившихся в ямах, очищения огней, а также культ собаки. Несмотря на то, что последнее явление прекрасно поддерживается ведийской традицией и общим индоевропейским фоном, собственно "зороастрийское", особенно пристрастное отношение к этому животному в авестийском собрании прослеживается только в Видевдате. Ни в одной другой книге Авесты собака, в отличие от других "благих" животных, не упомянута ни разу, а Геродот называет ее как животное, связанное с зороастрийскими жрецами-магами. В этой связи интересны гонурские захоронения собак, особенно отдельные. Конечно, зороастрийцы позднего по времени сложения Видевдата не приносили собак в жертву, в отличие от жителей Гонура они (по крайней мере, судя по жреческим предписаниям) выставляли трупы собак так же как и трупы людей, но культы, подобные гонурским, могли поддерживать традицию особого отношения к собаке.

Точно также и наиболее значимые черты цивилизации страны Маргуш, такие, как храмовые комплексы, снабженные источником воды, следы культа огня, остатки возбуждающих и галлюциногенных растений, — вследствие своего общего для индоевропейского мира характера могут служить, скорее, не доказательством того, что жители Гонура были "зороастрийцами", а указанием на то, что маргушская древневосточная цивилизация могла послужить благодатной почвой, одним из факторов для сложения зороастрийской религии.

Более конкретными представляются некоторые черты, демонстрирующие связь маргушской цивилизации с традиционными культурами народов Центральной Азии. К ним можно отнести, например, такую архитектурную особенность, как стенные ниши, названные В.И.Сарианиди "слепыми окнами". Такие ниши, являясь обычной чертой равнинного и предгорного жилища центрально-азиатского оседлого населения, предназначаются как для хозяйственных, так и для культовых нужд. В частности, одна из ниш может служить михрабом, то есть указывать направление молящихся мусульман на Мекку. Представляется несомненным, что мусульманская окраска культовой ниши является вторичной, не случайно иногда она служит одновременно вместилищем постельных принадлежностей, которые сами по себе имеют сакральное значение. Показательно наличие ниш в имитирующем жилой дом "царском некрополе" на восточном берегу главного водоема северного Гонура.

В описании гонурских помещений обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти каждое из них, включая погребальные камеры, имитирующие жилище, снабжено двухчастной печью. В.И. Сарианиди сделал предположение, что эти печи, конструкция которых не позволяет пламени огня проникать в больший отсек, служили для изоляции приготавливавшегося жертвенного мяса от священного огня, дабы не допустить осквернения последнего (Сарианиди 2005). Действительно, согласно ведийским и более поздним индийским ритуальным текстам, жертвенное мясо не должно было сгорать на огне, а лишь поджариваться, покрываться коркой (Маламуд 2005, с. 77), где речь идет об окуривании невесты при совершении свадебного ритуала и кремации трупа, — в обоих случаях в ходе ритуального "приготовления" жертва подвергается воздействию огня). Эта особенность была продиктована представлением о том, что в противном случае вся жертва достанется лишь одной "сжигающей" разновидности огня ("пожирателю

живого"), и боги, лишенные помощи другого огня, переносящего подношения, ничего не получают (Маламуд 2005, с.83). Вместе с тем, вероятным мне кажется предположение, что столь многочисленные печи (запроектированные даже в башнях кремлевских стен) могли служить не исключительно как ритуальные, а и как обычные очаги, в том числе для обогрева помещений. Косвенным подтверждением может служить сохранившаяся до наших дней в Центральной Азии практика сооружения особых устройств для обогрева, получивших название "сандали". В качестве очага под деревянный табурет или столик ("сандали") выкапывали двухступенчатое углубление, на приподнятой части которого лежал "жар" — угли, а на нижней — зола, на которой в сосудах грели воду. По периметру углубление оформляли деревянной рамой или битым кирпичом, наподобие того, как для пола гонурских печей использовали осколки керамики. Сам столик застилали одеялом. Сандали устраивали как в средней части комнаты, так и впритык к одной из стен (Писарчик 1982, с. 94-95). Конструкция этого сооружения отличается от строения двухкамерных печей Гонура, но обогревательный эффект, когда греться можно непосредственно рядом с большой не раскаленной печью, как представляется, является аналогичным.

По словам А.К. Писарчик, особенно в горных районах, в качестве очага под сандали вмазывали большую глиняную лохань (Писарчик 1982, с.94). Этот интересный прием зафиксирован и в Гонуре. Так, в восточном комплексе были найдены вкопанные в землю сосуды со вмазанными в дно мисками. На одной из фотографий можно увидеть ряд из пяти таких сосудов, помещенных в одну линию на узкой прямоугольной платформе. Сходная композиция из расположенных ровной цепочкой пяти глубоких камер, выложенных кирпичами со следами сильного горения, обнаружена и на другом участке гонурского комплекса (Сарианиди 2005). Обращает на себя внимание само число "5", глубоко символичное в индоевропейской традиции, равно как и в традиционной культуре центральноазиатских народов (четыре направления сторон света и центр, символичное изображение человека и так далее). Сама же система ям или углублений, по прямой линии образующих единый ряд, заставляет вспомнить зороастрийские обряды очищения, предписывавшиеся авестийским Видевдатом для омовения людей и очищения оскверненного огня.

Обнаруженный в "комплексе погребальных ритуалов" лаз, через который, по предположению В.И.Сарианиди могли выносить из помещения покойника, возможно, не только является свидетельством следования обряду выноса мертвого тела не в обычную дверь, а в специальный лаз (в том числе зафиксированный авестийским Видевдатом), но и подтверждает древнее происхождение архитектурной детали современного центральноазиатского жилища. Здесь из двух существующих дверей, ведущих с айвана внутрь дома, пользуются только одной. Вторая дверь, через которую можно было бы непосредственно пройти в жилое помещение, никогда не должна использоваться по назначению. Существенно, что иногда этот дверной проем имеет не нормальный размер, а гораздо меньший, напоминающий, скорее, лаз. Сообщивший мне эти сведения доктор исторических наук Р.Р.Рахимов вместе с тем указал, что покойника через эту дверь также не выносят, а пользуются обычным входом.

Относительно "песчаных комнат" хотелось бы высказать прагматичное соображение. Не могли ли они служить для поддержания пожарной безопасности? В комплексе с таким количеством очагов и печей пожары должны были представлять существенную угрозу, тем более, что территория "площади совместных трапез", носящая следы огня, видимо, засыпалась песком. В пользу этого предположения говорит и наличие напоминающего пожарную каланчу кирпичного "столба" в центре одной из комнат, на который вела лестница, а также то, что песчаные комнаты, если я правильно поняла описание В.И. Сарияниди, находились выше уровня пола других помещений и не имели кровли. К тому же, территориально они располагались с разных сторон дворца, что облегчало бы скорейшую подачу песка. Конечно, на территории Гонура имелись свои водоемы, но, с одной стороны, устройство "песчаных комнат" могло относиться ко времени, когда вода постепенно отступала, а с другой — вполне вероятно, что существовал ритуальный запрет на тушение огня водой.

Жизнь человека, — особенно хорошо это видно на примере древних и традиционных обществ, — полностью находилась во власти священного, причем каждое действие верующего строго регламентировалось религиозным законом. Поэтому не только храм, но и жилище было подобием горнего мира, не только праздничная жертва, но и любая пища считалась жертвоприношением. Возможно, поэтому Гонур видится комплексом святилищ, где, кажется, все было подчинено идее совершения бесконечного числа жертвоприношений (изображение головы барана с катящимися из глаз слезами на ритуальном сосуде опять-таки созвучно индоиранскому отношению к жертвенному животному, — у него со всем сочувствием просят прощения перед умерщвлением). Эти жертвы, вместе с возвышенными алтарями, водоемами и огнями, были непременимыми элементами картины мира. Представляется, что по мере сложения и зороастризма, и традиционных культур Туркменистана и Центральной Азии древнейшая гонурская культурно-историческая почва хотя и не являлась единственным первоисточником ритуальных систем, но, по крайней мере, могла послужить одним из оснований последних.

ЛИТЕРАТУРА

- Маламуд Ш.* Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.
Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
Сарияниди В.И. Гонур-депе: город царей и богов. А., 2005.